

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
26 August 2020
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Решение по сообщению № 124/2018, принятое
Комитетом в соответствии со статьей 4 (пункт 2 с))
Факультативного протокола^{*,**}**

<i>Сообщение представлено:</i>	L.O. и др. (представлены адвокатом Катрин Хаэнни)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор сообщения, ее две дочери и сын
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	31 декабря 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная информация:</i>	препровождена государству-участнику 5 января 2018 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия решения:</i>	6 июля 2020 года
<i>Существо дела:</i>	депортация в Монголию
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточность обоснования
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2 с)–f) и 3
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	4 1) и 2 с)

* Принято Комитетом на его семьдесят шестой сессии (29 июня — 9 июля 2020 года).

** Следующие члены Комитета участвовали в рассмотрении данного сообщения: Хироко Акидзуки, Гладис Акоста Варгас, Николь Амелин, Тамадер Ар-Рамма, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Наэла Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Ана Пелаес Нарваес, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгун Сафаров, Вэньян Сун, Геновева Тишева, Франселин Тоэ-Буда, Нахла Хайдар, Луиза Шалаль и Эстер Эгобамьен-Мшеллиа.

Исходная информация

1.1 Автор сообщения является Л.О., гражданка Монголии, 1974 года рождения. Сообщение представлено от имени автора, ее дочерей К.В. и М.О., 2002 и 2015 года рождения, соответственно, и ее сына К.В., 2004 года рождения. Ходатайство автора о предоставлении убежища было отклонено, и автору грозит депортация вместе с ее детьми. Автор утверждает, что их депортация в Монголию нарушит их права, предусмотренные статьями 1, 2 с)–f) и 3 Конвенции. Для Швейцарии Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу в 1997 и 2008 годах, соответственно. Интересы автора сообщения представляет адвокат Катрин Хаэнни.

1.2 5 января 2018 года в соответствии со статьей 5 1) Факультативного протокола и правилом 63 своих правил процедуры Комитет, действуя через свою Рабочую группу по сообщениям в соответствии с Факультативным протоколом, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от депортации автора и ее детей в Монголию до завершения рассмотрения ее дела Комитетом.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 Автор родилась в Улан-Баторе. Она работала воспитателем в детском саду и поваром, а также выполняла другие временные работы. В 1996 году она познакомилась со своим сожителем, В.У. В 2000 году у В.У. стал потреблять больше алкоголя и начал применять к ней насилие, как в словесной, так и в физической форме. Когда он находился в состоянии алкогольного опьянения, автор оставалась ночевать у своей матери. Когда ее мать умерла в 2004 году, сожитель автора стал регулярно подвергать ее насилию. Он также начал избивать ее дочь. Автор сообщает, что у нее нет братьев и сестер.

2.2 Автор утверждает, что В.У. неоднократно применял к ней физическое насилие, в среднем четыре–пять раз в неделю. Несколько раз он ее изнасиловал. Он также подвергал физическому насилию детей. Она сообщает о многих случаях насилия. Однажды он сломал руку своей дочери. Когда дочери было около восьми лет, он выставил ее на улицу зимой, при температуре значительно ниже нуля, без теплой одежды. Она оставалась на улице несколько часов и получила обморожения. В.У. часто угрожал автору и детям ножом, а также несколько раз наносил колотые или резаные ножевые ранения автору и детям. Однажды он бросил в автора нож, порезав ей угол глаза. В другом случае он пытался ударить ее ножом. Когда она попыталась защитить себя, он порезал ей пальцы. Ей пришлось обратиться в больницу, где ей наложили швы. В другой раз он угрожал выколоть ей глаза; она закрыла глаза руками, а он ударил ножом по рукам. В ходе другого инцидента он пытался отрезать ей язык и проткнул ей губу. Он также пытался ударить ножом их шестилетнего сына. Когда их дочь, К.В., которой на тот момент было восемь лет, пыталась защитить своего брата, В.У. порезал ей руку, и на рану пришлось наложить швы. Два месяца спустя он снова нанес К.В. ранение ножом, повредив ей живот¹.

2.3 Когда автор была беременна своим младшим ребенком, ее сожитель пришел домой с одним из своих друзей. Он был так пьян, что заснул. Его друг пытался изнасиловать автора. Она начала кричать, а ее сожитель проснулся. Она рассказала ему, что случилось, но он отказался ей верить. Она вызвала полицию, которая арестовала ее сожителя. На следующий день его выпустили на свободу, и после этого инцидента он стал еще более жестоким. Дочь автора не могла больше посещать школу в Улан-Баторе, поскольку ее отец неоднократно появлялся в школе в пьяном виде, кричал на нее и приказывал отвести ее к автору

¹ К жалобе прилагается ряд фотографий автора, на которых видны шрамы.

сообщения, от которой он хотел получить деньги. В конечном итоге школьная администрация запретила дочери посещать школу, поскольку сочла, что эта ситуация является слишком опасной для других детей.

2.4 Когда автор была на шестом месяце беременности своим младшим ребенком, ее сожитель жестоко избил ее с намерением убить ребенка. У нее было сильное кровотечение, и ей пришлось обратиться в больницу². Месяц спустя он снова напал на нее. Вскоре после этого, один из друзей В.У. пытался изнасиловать ее дочь, которой на тот момент было 12 лет. Автор обратилась в полицию, которая отказалась принимать какие-либо меры, поскольку вмешательство автора предотвратило изнасилование. Тогда автор решила уехать из Монголии, поскольку она не могла найти там защиты для себя и своих детей.

2.5 В 2009 году автор обратилась за помощью в женский приют в Улан-Баторе. Она провела там ночь, но утром ее отправили домой, потому что у нее не было справок из полиции, которые подтверждали бы факты насилия. В 2014 году В.У. вновь напал на автора и ее дочь с ножом и шприцом, который автор использовала для того, чтобы делать уколы от аллергии. Автор вновь попыталась найти убежище в приюте, но ей было отказано в какой-либо помощи, поскольку в приюте не было свободных мест. После этого она больше не обращалась за помощью в приют. Автор иногда оставалась ночевать в доме подруги, но однажды В.У. пришел к этой подруге домой и устроил драку с ее мужем. После этого инцидента автор больше не могла там ночевать, поскольку ее подруга боялась В.У. В 2014 году автор бежала в Дархан, чтобы спрятаться от В.У. Однако через три месяца он нашел ее и заставил вернуться в Улан-Батор.

2.6 Автор несколько раз обращалась в полицию с жалобами на насилие, которому она подвергалась. Однако полиция не хотела оказывать ей помощь, отчасти потому, что автор и В.У. не были женаты, и ее жалобы не были сочтены «значимыми». Полиция иногда задерживала В.У. на несколько часов, а затем отпускала его. После такого освобождения он становился еще более жестоким с автором и детьми. В результате автор перестала обращаться в полицию.

2.7 В сентябре 2015 года автор, находившаяся на седьмом месяце беременности, покинула Монголию вместе с двумя детьми. Она бежала в Российскую Федерацию, откуда при помощи нелегального перевозчика мигрантов добралась до Швейцарии. 5 сентября 2015 года автор обратилась с ходатайством о предоставлении убежища в Швейцарии, и с ней было проведено первое собеседование. В ходе собеседования она заявила, что бежала из Монголии из-за насилия в семье, которое совершал ее бывший сожитель, и из-за неспособности полиции защитить ее и ее детей. 14 июля 2016 года у нее состоялось второе собеседование, в ходе которого она добавила, что приют для женщин отказал ей в помощи и в предоставлении долгосрочной защиты.

2.8 17 января 2017 года Государственный секретариат по вопросам миграции обратился в отделение посольства Швейцарии в Улан-Баторе с просьбой проверить заявления автора. Государственный секретариат 27 апреля 2017 года проинформировал автора о выводах, сделанных по результатам проверки, заявив,

---

² Автор прилагает медицинское заключение от 10 ноября 2017 года из родильного дома «Амгалан», Улан-Батор. Согласно заключению, у автора было выявлено внутреннее кровотечение, отслойка плаценты и большие синяки на руках и ногах, и имелся риск выкидыша. В заключении говорится, что она была избита своим сожителем и что ей потребовалась госпитализация «на некоторое время» для сохранения беременности. Автор утверждает, что в ходе процедуры рассмотрения ее ходатайства об убежище она не смогла получить документальные свидетельства, касающиеся этого избиения, поскольку не осмеливалась обратиться к монгольскими властями из страха, что ее сожитель узнает о ее местонахождении.

что сам доклад носит конфиденциальный характер в целях защиты правительства или сторон, предположительно проводивших расследование в Монголии. Государственный секретариат указал, что полученная информация противоречит заявлениям автора, поскольку ни ее сожитель, ни ее дети не могли быть найдены в регистрационных книгах Главного управления государственной регистрации Монголии; свидетельства о смерти ее родителей также не были найдены в регистрационных книгах; семья не проживала по адресу, указанному автором в ходе собеседований; и В.У. не был зарегистрирован ни в одном полицейском участке или другом учреждении в качестве лица, совершившего насилие в семье. Автор утверждает, что тон письма был крайне оскорбительным, поскольку в нем явно подразумевалось, что Государственный секретариат пришел к выводу, что она лжет.

2.9 8 мая 2017 года автор представила в Государственный секретариат подробный ответ, отметив, что она не знает, был ли ее бывший сожитель — В.У., а не У.В., как указало государство-участник, когда-либо включен в регистрационные книги Главного управления государственной регистрации Монголии. Она также проинформировала Государственный секретариат о том, что у него есть дополнительная фамилия, которую она не знает, что регистрация стала обязательной только в 1990 году и что 160 000 человек в Монголии остаются незарегистрированными. Она далее проинформировала Государственный секретариат о том, что регистрация детей является обязательной только после исполнения ими 16 лет. Она также указала, что О.С. — это имя ее отца, а не матери, как сообщило государство-участник, и что имя ее матери — В.Д.; что ее отец умер в 1978 году, когда ей было всего четыре года; и что она не знает, где находится его свидетельство о смерти и где он похоронен. Она не смогла объяснить, почему не удалось найти свидетельство о смерти ее матери, и повторила дату смерти своей матери — 9 апреля 2004 года. Она также в очередной раз указала свой адрес в Монголии, в том числе номер телефона своего бывшего арендодателя и сумму ежемесячной арендной платы семьи.

2.10 Что касается отсутствия полицейских протоколов, то автор указала, что она неоднократно вызывала полицию, но полицейские задерживали В.У. только до его вытрезвления, а затем отправляли его домой. Она предоставила номер телефона подруги и адрес приюта. Она пояснила, что для получения доказательства ее пребывания в приюте необходимо, чтобы представитель Швейцарии направил в приют официальный запрос.

2.11 9 июня 2017 года Государственный секретариат отклонил ходатайство автора о предоставлении убежища. Государственный секретариат вынес решение о том, что ее заявления не соответствуют критериям достоверности, поскольку тот факт, что ее дети имеют паспорта, означает, что они должны были быть зарегистрированы в Монголии. Автор отмечает, что для выдачи паспортов детям не требуется регистрация, поскольку родители могут подавать заявления на получение паспортов от имени несовершеннолетних детей. Государственный секретариат также установил, что автор не проживала по указанному ею адресу, и вменил ей в вину, что она не смогла предоставить свидетельства о смерти своих родителей и полицейские протоколы о бытовом насилии. В этой связи она отмечает, что Государственный секретариат не связывался с ее бывшим арендодателем.

2.12 По мнению Государственного секретариата, Монголия эффективно осуществляет закон о борьбе с бытовым насилием, действующий с 2005 года. Государственный секретариат также отметил, что, согласно заявлениям автора, она несколько раз обращалась в полицию, которая отвечала на ее звонки. Государственный секретариат пришел к выводу о том, что такие ответные меры

свидетельствуют о способности полиции обеспечивать защиту. Государственный секретариат выразил мнение о том, что автору следовало обратиться за помощью в приют, и отметил, что она этого не сделала, несмотря на заявление автора о том, что она обращалась в приют для женщин. Государственный секретариат также высказал критику в связи с тем, что она не представила необходимых документов, проигнорировав ее заявление о том, что все официальные документы были изъяты нелегальным перевозчиком мигрантов.

2.13 Федеральный административный суд 14 августа 2017 года отклонил апелляцию автора.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что, если государство участник заставит ее и ее детей вернуться в Монголию, оно нарушит свои обязательства по статьям 1, 2 с)–f) и 3 Конвенции.

3.2 Автор утверждает, что, если государство-участник депортирует ее и ее детей в Монголию, оно таким образом подвергнет их реальному, личному и предсказуемому риску стать жертвами серьезных форм дискриминации в отношении женщин, поскольку они будут подвергаться бытовому насилию со стороны ее бывшего сожителя и не смогут рассчитывать на защиту со стороны властей. Она утверждает, что Государственный секретариат и Федеральный административный суд не учли гендерные аспекты при рассмотрении ее ходатайства о предоставлении убежища, когда они заявили, что она должна была знать вторую фамилию своего сожителя, что она должна была искать защиты в приюте для женщин и что полиция приняла в ее случае адекватные меры реагирования. Она утверждает, что обосновала реальную, личную и предсказуемую опасность подвергнуться серьезным формам дискриминации в случае возвращения в Монголию. Она представила достаточно подробностей касательно жестокого обращения, в частности имя своего сожителя, название полицейского участка, фотографии телесных повреждений, нанесенных ей и ее детям, а также адрес приюта для женщин, — информацию, которую, по ее мнению, швейцарские власти могли проверить. Она также утверждает, что государство-участник не предприняло достаточных усилий для определения того, имеются ли серьезные основания полагать, что ей и ее детям будет угрожать опасность подвергнуться серьезным формам дискриминации по возвращении в Монголию.

3.3 Автор далее утверждает, что имеющаяся информация по стране свидетельствует о том, что в Монголии на систематической основе совершается экстремальное насилие в отношении женщин при широком распространении бытового насилия и изнасилований. В своих заключительных замечаниях по объединенным восьмому и девятому периодическим докладам Монголии Комитет выразил обеспокоенность в связи с широкой распространенностью бытового насилия и тем фактом, что существует только один государственный приют для жертв насилия (см. [CEDAW/C/MNG/CO/8-9](#), п. 18). В своих заключительных замечаниях по объединенным пятому, шестому и седьмому периодическим докладам Монголии Комитет выразил обеспокоенность в связи с тем, что число случаев бытового насилия остается высоким и что по-прежнему сохраняется, в том числе в среде сотрудников правоохранительных органов, отношение к бытовому насилию как «частному делу», а число случаев привлечения к суду на основании Закона о борьбе с бытовым насилием по-прежнему невелико. (см. [CEDAW/C/MNG/CO/7](#), п. 25). Автор заявляет, что со времени принятия закона 7 ноября 2008 года судебное преследование было проведено лишь по 20 делам. Она далее ссылается на доклад неправительственной организации (НПО) Соединенных Штатов Америки “Advocates for Human Rights” и утверждает, что монгольские власти часто

не желают вмешиваться в дела о бытовом насилии, которые они считают не заслуживающими внимания, и рассматривают такие дела как случаи алкогольного опьянения, задерживая правонарушителей на ночь и освобождая их на следующий день по наступлению вытрезвления. Она также ссылается на доклад Государственного департамента Соединенных Штатов о правах человека в Монголии за 2012 год, в котором указывается, что в Монголии:

не существует закона, конкретно запрещающего супружеское изнасилование, которое власти обычно не признают и не преследуют в судебном порядке. Жертвы часто подвергаются стигматизации и обвиняются в невыполнении своих супружеских обязанностей. В результате многие НПО считают, что сотрудники правоохранительных органов несут вину за то, что жертвы супружеского изнасилования сохраняют молчание;

по данным НПО, полиция передает в прокуратуру лишь небольшое число дел об изнасилованиях, ссылаясь, как правило, на недостаточность доказательств. Кроме того, НПО утверждают, что о многих изнасилованиях не сообщается и что полицейские и судебные процедуры являются источником стресса для потерпевших, что часто приводит к тому, что потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы. Социальная стигматизация также способствует замалчиванию таких преступлений³.

3.4 Автор далее ссылается на доклад Государственного департамента Соединенных Штатов о правах человека в Монголии за 2014 год, в котором указывается, что в Монголии

бытовое насилие остается серьезной и широко распространенной проблемой. В уголовном законодательстве нет конкретных положений о бытовом насилии, что затрудняет любые усилия по учету случаев бытового насилия, о которых были поданы заявления в правоохранительные органы. Неуголовный закон о борьбе с бытовым насилием (2004 год) предусматривает меры защиты жертв бытового насилия, включая возможность получения запретительных судебных приказов, однако ряд процедурных и правоприменительных барьеров затрудняют получение и осуществление запретительных судебных приказов. [...] О бытовом насилии нельзя сообщать анонимно, и звонящие часто должны указывать свои имена и местонахождение, в результате чего люди могут не сообщать о бытовом насилии из страха, что информация о них может стать известна преступнику. По данным НПО, запретительные судебные приказы редко издаются в случаях, связанных с бытовым насилием, и даже в случаях, когда они издаются, их исполнение слабо контролируется и в недостаточной степени обеспечивается правовой санкцией.

...

Лица, предположительно совершающие бытовое насилие, иногда задерживаются на основании положений административного, а не уголовного права. Задержанные в соответствии с административным законодательством при таких обстоятельствах, как правило, должны выплатить штраф в размере 15 000 тугриков (восемь долларов США) и освобождаются после содержания под стражей в течение максимум 72 часов⁴.

3.5 Автор утверждает, что информация по стране явно говорит в пользу достоверности ее заявлений. Ее опасения в отношении того, что в случае возвращения ее сожитель подвергнет ее домашнему насилию, являются достаточно

³ United States of America, Department of State, *Mongolia 2012 Human Rights Report*, p. 17.

⁴ United States, Department of State, *Mongolia 2014 Human Rights Report*, pp. 22–23.

обоснованными с учетом его предыдущих действий и имеющейся информации по стране. Она утверждает, что ее детям также угрожает опасность подвергнуться подобному насилию в отместку за их побег. Она заявляет, что ее дети, и особенно ее дочери, также непосредственно страдают от последствий преследований по гендерному признаку. Она утверждает, что в Монголии бытовое насилие считается семейным делом и что для системы уголовного правосудия характерно отсутствие желания выполнять законы, которые должны защищать женщин. Она отмечает, что неоднократно сообщала о действиях своего сожителя в полицию, однако правоохранительные органы не издали запретительного судебного приказа и не провели расследования по ее заявлениям. Она утверждает, что система правосудия Монголии не желает и не способна защитить ее и ее детей от преследований по гендерному признаку.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 29 июня 2018 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

4.2 В связи с вопросом о том, составляют ли положения, на которые ссылаются авторы, права по смыслу статьи 2 Факультативного протокола, которые затем могут быть положены в основу индивидуальной жалобы, государство-участник ссылается на свои замечания от 29 мая 2018 года по другому делу, находящемуся на рассмотрении Комитета. По его мнению, упомянутые положения составляют общие нормы, а не индивидуальные права. По этой причине сообщение следует признать неприемлемым по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

4.3 В связи с данным делом автор ссылается на статью 3 Конвенции, не обосновывая свое требование, равно как и свое требование, касающееся статьи 2 Факультативного протокола. Соответственно, требование со ссылкой на статью 3 является неприемлемым.

4.4 Что касается заявления о нарушении статьи 2 Конвенции, то государство-участник также считает, что эти требования являются недостаточно обоснованными. Оно заявляет, что в ряде случаев при рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет высказывал мнения в отношении соблюдения требований Конвенции, касающихся процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет подчеркивал, что он не подменяет собой национальные органы власти при оценке фактов⁵.

4.5 Государство-участник напоминает, что автор приняла участие в двух слушаниях ее дела Государственным секретариатом — 15 сентября 2015 года и 14 июля 2016 года, и что в ходе второго слушания ей была предоставлена возможность подробно разъяснить причины обращения с ходатайством о предоставлении убежища. Для проверки ее утверждений Государственный секретариат направил запрос в отделение посольства Швейцарии в Улан-Баторе, которое провело проверку с привлечением заслуживающего доверия юриста. Ни В.У.⁶, ни старшие дети пары не числились в регистрационных книгах Главного управления государственной регистрации Монголии. В регистрационных книгах не содержалось сведений о смерти родителей автора. Кроме того, автор, ее дети и В.У., по-видимому, никогда не проживали по указанному адресу. Факт их

⁵ *Н.К. и С.А. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (CEDAW/C/63/D/62/2013)*, п. 6.6, и *С.Ф.А. и Х.Х.М. против Дании (CEDAW/C/69/D/85/2015)*, п. 9.7.

⁶ В материалах, полученных от государства-участника, бывший сожитель автора фигурирует как У.В.

проживания по этому адресу не мог быть подтвержден ни одним свидетелем на месте. И, наконец, по полученным сведениям, ни в одном полицейском участке или каком-либо другом учреждении не было регистрационных записей о том, что В.У. совершал бытовое насилие.

4.6 В соответствии с правом быть заслушанным эти аргументы были доведены до сведения автора 27 апреля 2017 года. Автор представила подробный ответ 4 мая 2017 года. Она пояснила, что в Монголии существует множество официальных служб, где человек может быть зарегистрирован. В городе Улан-Баторе существует как минимум 17 районных реестров. Аналогичные реестры существуют, согласно ответу автора, и в других городах или аймаках (территориальных единицах, сходных с кантонами). Для проверки регистрации В.У. потребовалось бы проверить все реестры. В теории, вся информация должна храниться централизованно в Главном управлении государственной регистрации. Однако на практике такая централизация, по утверждению автора, является неполной или отсутствует. В Монголии, по утверждению автора, дети регистрируются и получают удостоверения личности только в возрасте 16 лет, что объясняет, почему ее дети не были зарегистрированы. Их свидетельства о рождении, по словам автора, должны иметься в книге регистрации актов гражданского состояния Баянзюркхского района. В.У. имеет казахскую национальность и родился в 1974 году. Казахи носят две фамилии — первую фамилию и вторую фамилию. В. — это имя ее бывшего сожителя, а У. — одна из его фамилий. Автор, согласно ответу посольства, не знала его второй фамилии, поскольку она и В.У. не регистрировали официальный брак. По словам автора, она не знает, где В.У. был зарегистрирован: чтобы найти регистрационные документы, необходимо проверить все официальные регистрационные книги. Кроме того, по утверждению автора, после смены режима в 1990 году многие регистрационные книги были утеряны или оставлены без внимания. По этой причине около 160 000 человек в Монголии не были зарегистрированы.

4.7 Что касается свидетельств о смерти ее родителей, то автор заявила, что имена ее матери и отца поменяли местами. Ее отец умер, когда ей было четыре года. Ее мать умерла в Улан-Баторе в 2004 году. Чтобы найти подтверждения этим данным, потребовалось бы проверить все регистрационные книги. Автор заявила, что она проживала с В.У. и детьми по указанному адресу в течение 11 лет, с октября 2004 года по октябрь 2015 года. Как правило, квартиры, комнаты и юрты сдаются в аренду неофициально, без регистрации договора аренды в официальных органах, чтобы избежать необходимости платить налог. Поскольку какой-либо серьезный контроль отсутствует, и люди часто переезжают с места на место, то, согласно ответу автора, вполне возможно, что никто не мог подтвердить, что семья проживала по указанному адресу. Кроме того, местные жители неохотно сообщают информацию иностранцам, опасаясь подвергнуть себя опасности или нанести вред другим. Если владелец жилья не изменился, то, по словам автора, представленную ею информацию можно провести, позвонив по указанному телефону.

4.8 В Улан-Баторе, как и в случае с книгами регистрации актов гражданского состояния, имеется несколько полицейских участков. Согласно ответу автора, она подала несколько жалоб на В.У., и он задерживался и получал штрафы за злоупотребление алкоголем. Однажды он совершил попытку самоубийства. Информацию обо всех этих инцидентах можно найти в архивах полицейских участков. Однако поскольку В.У. некоторое время работал в полиции, вполне возможно, согласно ответу автора, что полицейские досье были «утеряны». По словам автора, она несколько раз уходила из семейного дома и могла назвать имена двух семей, у которых она останавливалась. Она также обращалась за помощью в приют для женщин и детей. Когда автор прибыла в Швейцарию, ее осмотрел

врач, который обнаружил синяки у нее на животе, появившиеся в результате избиения, совершенного В.У. В своем ответе автор указывает, что врачу можно направить запрос, чтобы он подтвердил эту информацию.

4.9 9 июня 2017 года Государственный секретариат отклонил ходатайство автора о предоставлении убежища. Что касается разъяснений автора относительно регистрации В.У. и детей пары, то Государственный секретариат подчеркнул, что в ходе первого слушания автор указала, что у каждого из двух старших детей есть свидетельство о рождении и паспорт, которые были выданы в 2013 году и которые были изъяты в Москве нелегальным перевозчиком мигрантов. Когда дети получали удостоверяющие личность документы, они должны были быть зарегистрированы в органах власти. Государственный секретариат также счел неправдоподобным, что автор не знала полной фамилии своего бывшего сожителя, с которым она находилась в отношениях начиная с 1996 года и который является отцом ее троих детей. Он также отметил, что автор заявила, что она несколько раз подавала жалобу в полицию на В.У. и что в отношении него были приняты различные меры, но при этом она не смогла представить ни одного подтверждающего доказательства.

4.10 По мнению Государственного секретариата, несмотря на подробные пояснения автора, указанные несоответствия не могут быть проигнорированы, и ее утверждения не соответствуют требованиям достоверности, предъявляемым при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища. Рассмотрев всю имеющуюся информацию, Государственный секретариат пришел к выводу о том, что семейное положение и условия жизни заявителей, а также заявленные обстоятельства дела отличались от тех, которые были указаны в версии, представленной заявителями. Государственный секретариат напомнил, что риски, связанные с третьей стороной, не принимаются во внимание при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища, за исключением случаев, когда государство не выполняет или не может выполнять свою функцию по защите. В целом считается, что защита предоставляется, если государство принимает надлежащие меры во избежание преследования, например, с помощью эффективных полицейских и судебных органов, которые располагают лучшими возможностями для проверки, судебного разбирательства и наложения наказания через посредство мер судебного преследования, и если соответствующие лица имеют доступ к такой защите. С учетом практики швейцарских властей имелись основания полагать, что в целом монгольские власти имеют волю и возможности для принятия мер защиты, а также что имеется достаточная инфраструктура для принятия таких мер. В этом смысле в соответствии с решением Федерального совета Монголии считается безопасным государством с точки зрения права на убежище. Этот статус предполагает наличие функционирующей полицейской и правовой системы. В 2005 году в Монголии вступил в силу и начал применяться закон о борьбе с бытовым насилием. Кроме того, гарантируется доступ к полиции, в частности потому, что автор неоднократно обращалась в полицию, и полиция принимала меры. Таким образом, полиция продемонстрировала свою готовность обеспечивать защиту и выполнила свои обязательства в этом отношении. Государственный секретариат также рассмотрел утверждение автора о том, что она страдала от насилия на протяжении ряда лет; он указал, что в этих обстоятельствах она могла бы обратиться за помощью к специализированной организации на месте. Национальный центр по борьбе с насилием, в частности, заведует несколькими приютами и «горячей линией» в целях оказания поддержки в случае кризиса. Центр также оказывает поддержку женщинам, которые ищут жилье или работу или нуждаются в юридической помощи. Учитывая всю имеющуюся информацию, а также то, что автор не могла предоставить подтверждающие

документы в поддержку ее ходатайства о предоставлении убежища, ходатайство автора было отклонено Государственным секретариатом.

4.11 Государство-участник указывает, что 18 июня 2017 года автор обжаловала это решение в Федеральном административном суде. Автор заявила, что все документы были изъяты у нее нелегальным перевозчиком мигрантов и что она прекратила все контакты с Монголией, опасаясь, что ее сожитель найдет ее. По совету своего представителя она создала анонимный аккаунт в социальных сетях, с помощью которого смогла связаться с семьей подруги. Эта семья смогла получить письмо от ее бывшего арендодателя, в котором тот подтвердил факт съема жилья и алкоголизм В.У. Арендодатель был по-прежнему доступен по указанному автором телефону, так что эта информация могла быть легко подтверждена. Что касается полицейских досье, связанных с жалобами на В.У., она указала, что эти досье будет сложно найти, тем более находясь в Швейцарии.

4.12 В своем промежуточном решении от 28 июня 2017 года после рассмотрения дела и апелляции Федеральный административный суд пришел к выводу о том, что у заявителей мало шансов на успех в удовлетворении их требований. По этой причине он отклонил просьбу о предоставлении бесплатной правовой помощи. Он также счел, что информация, собранная Государственным секретариатом, должна оставаться конфиденциальной, с тем чтобы Суд смог вынести свои замечания, и что автора следует проинформировать только об основных элементах этой информации.

4.13 Федеральный административный суд также указал, что пояснения автора относительно отсутствия регистрации в Монголии у ее детей не объясняют, почему не могли быть найдены записи о регистрации В.У. По мнению Суда, пояснения автора в отношении информации, собранной на месте, ничего не изменили в ситуации, поскольку нет оснований считать, что выводы Государственного секретариата были основаны на неверной информации. Письмо от владельца жилья ничего не изменило при анализе ситуации, поскольку его мог написать сообщник в деле. Прилагаемые к делу фотографии, на которых были видны шрамы, не позволяют сделать какие-либо выводы о происхождении этих шрамов. Отсутствие доказательств, касающихся перенесенного насилия, свидетельствует об отсутствии достоверности предполагаемых фактов, тем более с учетом того, что, по заявлению автора, она несколько раз обращалась в полицию. Трудности с получением полицейских документов, о которых заявляет автор, не являются правдоподобными, поскольку она подала жалобу лично. Таким образом, Суд счел, что утверждения автора о бытовом насилии и связанных с ним проблемах не являются правдоподобными. Он счел, что, даже если бы эти утверждения были верны, автор не смогла бы изменить презумпцию того, что Монголия в состоянии обеспечить защиту от насилия, совершаемого третьим лицом, тем более что В.У., по словам автора, неоднократно подвергался задержанию. Суд отметил, что автор противоречила самой себе в отношении года смерти ее матери, который она указала как 2000 год в ходе первого слушания и как 2004 год в ходе второго слушания, и что подтвердить ее личное и семейное положение не удалось. Кроме того, поскольку она заявила, что всегда была в состоянии удовлетворять потребности своей семьи, она сможет продолжать это делать, если ей придется вернуться в Монголию.

4.14 Федеральный административный суд 14 августа 2017 года отклонил апелляцию автора. Она счел, что даже с третьим ребенком автор сможет обеспечить своих детей, поскольку, согласно ее собственным заявлениям, она смогла вернуться на работу через четыре месяца после рождения второго ребенка. Суд заключил, что нет оснований полагать, что автор и ее дети по возвращении столкнутся с угрозой выживанию, тем более что у автора есть друзья в Монголии,

друзья, у которых семья находила убежище в прошлом, и что старшая дочь, которой сейчас почти 15 лет, сможет ухаживать за младшим ребенком. Кроме того, по мнению Суда, состояние здоровья детей таково, что их лечение может проводиться в существующих медицинских учреждениях Монголии. Принимая во внимание наилучшие интересы детей, Суд счел, что двое старших детей хорошо учатся в школе и продемонстрировали гибкость, необходимую для того, чтобы вновь адаптироваться к жизни в Монголии, даже несмотря на то, что по возвращении они могут столкнуться с трудностями при реинтеграции и что они смогут извлечь пользу из опыта, полученного во время их пребывания в Швейцарии.

4.15 Государство-участник указывает, что из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что автор имела возможность полностью выразить свое позицию в ходе процедуры рассмотрения ее ходатайства об убежище. Следует отметить, что слушание по вопросу о причинах обращения с ходатайством о предоставлении убежища проводилось под руководством женщины и что устный перевод также обеспечивался женщиной.

4.16 Поскольку автор не смогла представить подтверждающую документацию по своему делу, Государственный секретариат провел проверки на месте через посольство в Улан-Баторе. Отсутствие документации не было истолковано в ущерб интересам автора. Напротив, Государственный секретариат предпринял активную попытку проверить, могут ли заявления автора быть подтверждены, наняв для этого заслуживающего доверия юриста. После завершения этих проверок Государственный секретариат препроводил автору их результаты, для того чтобы она могла представить свои замечания.

4.17 Государство-участник не согласно с мнением автора о том, что тон письма Государственного секретариата от 27 апреля 2017 года является оскорбительным. В письме кратко излагаются аргументы автора, а затем объективно представляется информация о проведенных проверках и их результатах. Тон письма имеет информативный и нейтральный характер.

4.18 Ходатайство автора о предоставлении убежища было отклонено на основании всех имеющихся данных, в частности результатов проверок, проведенных на месте, и несоответствий, выявленных в ее изложении своей истории. Результат рассмотрения ее дела не имеет никакой связи с полом заявителя или тем фактом, что ее утверждения касаются побудительных причин к бегству из родной страны, характерных именно для женщин. Соответствующие органы признают возможные противоречия, которые могут возникать в равной степени во всех делах о предоставлении убежища, независимо от того, идет ли речь о мужчине или о женщине. Кроме того, предполагаемые трудности автора в получении документов не были решающим фактором; отсутствие подтверждающих документов рассматривалось властями как один из факторов среди прочих других.

4.19 Государство-участник также напоминает, что в соответствии с практикой Комитета, для того чтобы сообщение было признано приемлемым, автор должна представить достаточную информацию о том, будет ли ей угрожать реальная, личная и предсказуемая опасность подвергнуться серьезному гендерному насилию в случае возвращения⁷. Как представляется, в своих решениях по данным вопросам Комитет придает большое значение рассмотрению внутренними органами мотивов подачи ходатайства о предоставлении убежища. В этой связи рассматриваемые сообщения были признаны неприемлемыми или не приняты исходя из обстоятельств дела. Государство-участник ссылается, в частности, на пункт 6.7 дела *Н. против Нидерландов* (CEDAW/C/57/D/39/2012), которое касалось гражданки Монголии, утверждавшей, что она подверглась насилию со

⁷ См. *Н. против Нидерландов* (CEDAW/C/57/D/39/2012), п. 6.6.

стороны своего бывшего работодателя. Сообщение было признано неприемлемым, поскольку оно не было в достаточной степени обоснованным.

4.20 Государство-участник указывает, что автор приложила к своему сообщению для Комитета несколько документов, которых не было в распоряжении швейцарских властей на момент рассмотрения ходатайства автора о предоставлении убежища. Поскольку на момент принятия решений национальными органами эти документы отсутствовали, государство-участник считает, что автор не исчерпала соответствующие внутренние средства правовой защиты. Государство-участник считает, что, поскольку ему не было предоставлено копий этих документов, оно не может судить об их подлинности. В любом случае эти документы не носят характера, который мог бы изменить оценку государством-участником ходатайства автора.

4.21 Государство-участник указывает, что 1 февраля 2017 года в Монголии был пересмотрен закон о бытовом насилии и что в том же году было принято большое число связанных с этим мер⁸. По имеющейся информации, эти меры привели к сокращению числа случаев бытового насилия на 19,6 процента за первые восемь месяцев 2017 года по сравнению с аналогичным периодом в предыдущем году. В 2017 году по всей стране насчитывалось 9 центров «одного окна» и 16 временных приютов, а на 2018 год было запланировано строительство еще 10 центров «одного окна».

Комментарии автора в ответ на замечания государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

5.1 Автор представила свои комментарии в ответ на замечания государства-участника 9 января 2019 года.

5.2 Она утверждает, что Комитет рассматривал в прошлом большое число дел, связанных с требованиями по статьям 1, 2 и 3 Конвенции⁹. Поэтому статьи, на которые она ссылается, могут лежать в основе индивидуального сообщения в соответствии с Факультативным протоколом.

5.3 Она отвергает утверждение государства-участника о том, что она недостаточно обосновала свое утверждение о нарушении в соответствии со статьей 3 Конвенции. Она отмечает, что в пункте 24 своей общей рекомендации № 32 о гендерных аспектах статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин Комитет указывает, что статьи 1–3, 5 а) и 15 Конвенции устанавливают обязательство государств-участников обеспечивать, чтобы женщины не подвергались дискриминации на протяжении всего процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, и что с ними должны обращаться недискриминационным образом в ходе процедуры рассмотрения ходатайства. Она поясняет, что сослалась на статью 3 в сочетании со статьями 1 и 2 Конвенции.

5.4 Что касается аргумента государства-участника о том, что она не объяснила, как сфера применения статьи 3 выходит за рамки более конкретной сферы применения статьи 2, и что ее утверждение о нарушении статьи 3 не было достаточно обоснованным, то она утверждает, что крайне подробно описала насилие, которому она подвергалась на протяжении многих лет, и что на протяжении всей

⁸ Государство-участник ссылается на информацию, представленную Монголией в рамках последующих мер в связи с заключительными замечаниями Комитета по объединенным восьмому и девятому периодическим докладам Монголии (CEDAW/C/MNG/CO/8-9/Add.1), п. 28 ff.

⁹ См., например, *А. против Дании* (CEDAW/C/62/D/53/2013); *Трухильо Рейес и Аргуэльо Моралес против Мексики* (CEDAW/C/67/D/75/2014); и *О.Г. против Российской Федерации* (CEDAW/C/68/D/91/2015).

процедуры рассмотрения ее ходатайства о предоставлении убежища ее изложение своей истории оставалось без изменений. Она добавляет, что в большинстве случаев бытовое насилие происходит за закрытыми дверями и в отсутствие свидетелей нет никаких доказательств, кроме показаний самой жертвы. Даже если полиция вмешивается, то факт насилия может быть подтвержден только самой жертвой, и полиция в целом принимает такие заявления. Однако в ее случае ее показания были проигнорированы. Власти государства-участника лишь запросили у автора дополнительные подтверждения, не доказав неверности ее заявлений, несмотря на их попытки сделать это, тем самым игнорируя культурные и дискриминационные обычаи Монголии и действительно действуя дискриминационным образом в отношении нее. Власти не представили никаких конкретных доказательств того, что ее заявления не соответствуют действительности. Это свидетельствует о том, что власти государства-участника совершили дискриминацию в отношении автора в нарушение статьи 3 Конвенции.

5.5 Автор утверждает, что представленная ею информация об общей ситуации с бытовым насилием в отношении женщин в Монголии не была принята во внимание швейцарскими властями, в частности Федеральным административным судом.

5.6 Автор ссылается на пункт 25 общей рекомендации № 32, согласно которому «пункт с) статьи 2 Конвенции требует, чтобы государственные процедуры предоставления убежища предусматривали возможность представления и рассмотрения ходатайств женщин, ищущих убежище, на равноправной основе справедливым, беспристрастным и оперативным образом. Гендерный подход следует применять на каждом этапе процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища». Автор утверждает, что то обстоятельство, что собеседование с ней по вопросу о предоставлении убежища проводилось женщиной и что устным переводчиком была женщина, не является само по себе достаточным для признания того, что к ней был применен учитывающий гендерные аспекты подход, и не означает, что вытекающее из Конвенции обязательство было соблюдено. Нет никаких оснований полагать, что эти женщины прошли специальную подготовку для работы с жертвами жестокого обращения или имели какое-либо понимание того, как обычно ведут себя жертвы жестокого обращения, особенно в ситуациях взаимодействия с властями. Она указывает на то, что последствия постоянного и серьезного насилия, такого как бытовое насилие, не исчезают сразу же после того, как жертва выходит из ситуации насилия. Нанесенная травма сохраняется и в значительной степени определяет и направляет поведение жертвы на протяжении многих лет. Автор приняла чрезвычайно трудное и смелое решение вырваться из ситуации насилия, которому подвергались она и ее дети. Всего через несколько дней после ее прибытия власти государства-участника допросили ее о наихудших событиях в ее жизни.

5.7 Автор утверждает, что государство-участник нарушило ее процессуальные права, в частности ее право быть выслушанной в соответствии со статьей 29 Федеральной конституции. В соответствии со статьей 26 1) b) Федерального закона об административном производстве сторона имеет право ознакомиться со всеми документами, используемыми в качестве доказательств. Автор отмечает, что в своей апелляции, поданной в Федеральный административный суд, она указала, что была вынуждена отвечать на сделанные Государственным секретариатом выводы, не имея доступа к докладу, подготовленному отделением посольства Швейцарии в Улан-Баторе. Государственный секретариат утверждает, что в докладе содержится информация, которую правительство должно сохранять конфиденциальной, чтобы защитить себя и стороны, проводившие расследование. Суд постановил, что «жалоба, скорее всего, будет признана

несостоятельной... и предполагаемую жалобу на нарушение права быть выслушанной не следует считать обоснованной».

5.8 Автор заявляет, что, хотя право на доступ к материалам может быть ограничено, в частности, если того требуют существенные публичные интересы Конфедерации, такой отказ должен быть соразмерным и доступ к материалам должен предоставляться в максимально возможной степени без раскрытия подлежащих защите интересов. Этого можно было бы добиться путем удаления идентификационных данных, связанных с этими интересами, в частности указывающих на личность автора доклада и лица, предоставившего копии документов, или на методологию, применяемую посольством. Она утверждает, что в данном случае «трудно поверить», что существовал значительный публичный интерес, который необходимо было защитить.

5.9 Автор утверждает, что неясно, каким образом юрист, отвечавший за подготовку указанного доклада, пришел к выводу о том, что семья никогда не проживала по указанному адресу и что не представлялось возможным обнаружить никаких полицейских протоколов, а также рассмотрел ли юрист вопрос о том, почему ее дети и бывший сожитель не могут быть найдены в регистрационных книгах Главного управления государственной регистрации. Она поясняет, что Главное управление не предоставляет никому информации о третьей стороне без получения согласия такой третьей стороны. Поскольку Государственный секретариат не объяснил, каким образом была получена соответствующая информация, она не смогла дать надлежащий ответ. Она утверждает, что проведенная на месте проверка представляется весьма ошибочной и неточной. Власти государства-участника основывали свою оценку только на факте отсутствия достаточных подтверждающих документов и на разъяснениях, предоставленных посольством, и поэтому дело не было ими рассмотрено в достаточной степени.

5.10 Государственный секретариат ни на одном из этапов не связывался с ее бывшим арендодателем, заявив, что доказательства должны были быть представлены автором. Она утверждает, что Федеральный административный суд не провел всеобъемлющего обзора всех элементов дела, поскольку он не рассмотрел представленную автором информацию о бытовом насилии в Монголии или о том, что ее третий ребенок стал результатом ее изнасилования сожителем, и проигнорировал письмо арендодателя, полагаясь исключительно на доклад посольства. Она утверждает, что власти совершили в отношении нее акт дискриминации, охарактеризовав заявления, сделанные ею, жертвой серьезного насилия в форме бытового насилия, как не заслуживающие доверия и противоречащие выводам властей, при том что это выводы были основаны на ненадлежащих расследованиях на месте и ошибочных предположениях. Власти государства-участника нарушили таким образом свое обязательство применять учитывающий гендерные аспекты подход в соответствии со статьей 2 с) Конвенции, не проведя тщательной оценки риска того, что автор вновь станет жертвой бытового насилия, поскольку в случае ее возвращения в Монголию она не получит от государства необходимой защиты. По мнению автора, оценка ее дела была произвольной и предвзятой.

5.11 Она утверждает, что ее дело отличается от дела *Н. против Нидерландов*, поскольку в последнем случае предполагаемый правонарушитель являлся работодателем автора, а не ее партнером. В.У. являлся ее партнером и отцом ее троих детей. Если бы ее вынудили вернуться обратно, он бы снова стал ее искать, так как считает ее своей собственностью, а поскольку он является алкоголиком, то будет требовать от нее, чтобы она снова снабжала его деньгами. Тот факт, что он искал ее, когда она бежала в Дархан, ясно указывает на то, что он будет искать ее снова. Она напоминает, что она представила Комитету полицейский протокол,

демонстрирующий, что она дважды вызывала полицию, и что в обоих случаях ее бывший сожитель был задержан только на ночь и никаких дальнейших действий предпринято не было.

5.12 Она считает, что несоответствия были вызваны ошибочными предположениями Государственного секретариата, в частности в отношении замечаний о порядке выдачи паспортов детям. Расхождение в дате смерти ее матери, скорее всего, связано либо с опечаткой, либо с ошибкой в переводе.

5.13 Что касается аргумента государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты в связи с представленными новыми документами, то автор поясняет, что она создала анонимную страницу в социальных сетях для получения документов из Монголии и что она получила медицинские и полицейские заключения только через шесть месяцев после рассмотрения ее апелляции в Федеральном административном суде. Она ссылается на пункт 43 общей рекомендации № 32, в котором Комитет заявляет, что «государства-участники не должны рассматривать женщину, ищущую убежище, как не вызывающую доверия лишь потому, что она не может предъявить документы для обоснования своего ходатайства о предоставлении убежища». Она принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что, даже если бы власти имели доступ к этим документам, они не изменили бы своей оценки ее ходатайства. Она считает, что этот аргумент свидетельствует о том, что она не имела бы доступа к эффективному средству правовой защиты на основании новых документов и что поэтому она исчерпала внутренние средства правовой защиты.

5.14 По мнению автора, было бы ценно, если бы Государственный секретариат обеспечил ей компетентное юридическое представительство в соответствии с пунктом 50 с) общей рекомендации № 32, в соответствии с которым государства-участники должны обеспечить, чтобы «женщины, ищущие убежище, имели доступ к компетентному юридическому представителю до начала первой беседы по вопросу о предоставлении убежища». Она утверждает, что юридическое представительство могло бы помочь, например, в своевременном получении документов, подтверждающих ее заявления.

5.15 Автор отмечает, что в пункте 50 g) общей рекомендации № 32 Комитет указывает, что «порог приемлемости ходатайств о предоставлении убежища должен определяться с точки зрения не вероятности, а допустимого правдоподобия того, что ходатайствующая имеет веские основания опасаться преследования или что она по возвращении станет жертвой преследования». Она утверждает, что у нее существует обоснованное опасение преследования, так как в Монголии ее бывший сожитель сможет ее найти.

5.16 Автор утверждает, что государство-участник ошибается в отношении числа приютов, существующих для жертв насилия в Монголии. Она ссылается на новостную статью от 25 ноября 2017 года, в которой говорится, что пять из девяти приютов закрылись из-за отсутствия финансирования¹⁰. По состоянию на ноябрь 2018 года был открыт лишь 1 из 10 запланированных центров «одного окна», и из-за нынешнего финансового кризиса в Монголии существуют основания полагать, что на данный момент отсутствует финансирование для открытия большего числа таких центров. Она утверждает, что информация о том, что уровень бытового насилия снизился, является обманчивой, поскольку, согласно обследованию по вопросам гендерного насилия в стране, проведенному Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения и

¹⁰ См. BBC, “Mongolia domestic violence: ‘I screamed for help, but nobody came’”, 25 November 2017.

Национальным статистическим управлением Монголии, о случаях бытового насилия сообщается крайне редко¹¹.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. В соответствии со статьей 4 2) а) Факультативного протокола Комитет убедился в том, что этот вопрос еще не был рассмотрен и не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.2 В предварительном порядке Комитет отмечает, что после регистрации настоящего сообщения автор представила копии полицейских и медицинских заключений о случаях жестокого обращения со стороны ее бывшего сожителя. Эти документы не были представлены швейцарским властям, поскольку они были получены из Монголии после завершения рассмотрения Федеральным административным судом апелляции автора на отрицательное решение Государственного секретариата по ее делу о предоставлении убежища. Комитет отмечает, что автор не объяснила, почему она не представила эти документы швейцарским властям, даже если она могла это сделать только на более позднем этапе, и не просила провести повторную оценку ее дела на основе новых доказательств.

6.3 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола он не вправе рассматривать сообщение до тех пор, пока не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны либо что применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат. Цель этого требования заключается в том, чтобы дать властям государства-участника возможность оценить утверждения автора и, в случае необходимости, исправить ситуацию. В свете этого требования Комитет считает, что он не может оставить в своем распоряжении и рассматривать указанные документы как часть сообщения автора, поскольку компетентным органам государства-участника не была предоставлена возможность изучить и оценить их в рамках внутреннего разбирательства.

6.4 Комитет далее отмечает, что государство-участник не возражает против того, что автор исчерпала имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении ее оставшихся жалоб по Конвенции. Исходя из этого Комитет считает, что положения пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению данного сообщения.

6.5 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что, если по решению государства-участника она будет депортирована в Монголию, ей лично будет грозить опасность гендерного насилия в жестокой форме в нарушение ее прав по статьям 1, 2 с)–f) и 3 Конвенции. В частности, Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что она стала жертвой бытового насилия в Монголии со стороны ее бывшего сожителя, который жестоко обращался с ней и ее детьми; что, когда она обращалась за защитой в полицию, полиция задерживала ее бывшего сожителя только на ночь и затем отпускала его на свободу; что ее ходатайство о предоставлении убежища в Швейцарии было отклонено главным образом на основании расследования, проведенного через отделение посольства Швейцарии в Монголии, без учета ее подробных заявлений; и что

¹¹ United Nations Population Fund and Mongolia, National Statistics Office, *Breaking the Silence for Equality: 2017 National Study on Gender-based Violence in Mongolia*, June 2018.

власти государства-участника не обеспечили учет гендерного фактора при рассмотрении ее ходатайства о предоставлении убежища как женщины, ищущей убежища, и жертвы бытового насилия.

6.6 Комитет отмечает, что государство-участник указало, что сообщение должно быть признано неприемлемым на том основании, что оно является недостаточно обоснованным, и что компетентные органы государства-участника провели тщательное рассмотрение ходатайства автора о предоставлении убежища. Он также отмечает, что для проверки утверждений автора, особенно ввиду непредоставления ею соответствующих документов, Государственный секретариат связался с координационным бюро посольства Швейцарии в Улан-Баторе и что вследствие этого было проведено расследование с участием нанятого на месте юриста. По результатам расследования и с учетом ряда несоответствий, выявленных в заявлениях автора, власти государства-участника приняли решение отклонить ходатайство автора о предоставлении убежища. Комитет далее отмечает, что автор имела возможность обжаловать это решение в Федеральном административном суде, который оставил в силе решение Государственного секретариата.

6.7 Комитет далее принимает к сведению аргумент автора о том, что при рассмотрении ее дела государство-участник не приняло должным образом во внимание серьезность положения в области прав человека в Монголии применительно к проблеме бытового насилия. Вместе с тем Комитет считает, что в своей оценке власти государства-участника в достаточной степени приняли во внимание масштабы бытового насилия в Монголии, существующую в стране нормативно-правовую систему и возможность получения защиты со стороны властей, главным образом органов полиции и судебных органов, а также наличие в стране ряда приютов для жертв бытового насилия. В этой связи Комитет отмечает тот факт, что автор не объяснила, почему она не подала свои жалобы на своего бывшего сожителя в органы прокуратуры или в суды Монголии (см. *Н. против Нидерландов*, п. 6.9). В этом контексте Комитет также отмечает, что Монголия является государством — участником Конвенции и Факультативного протокола к ней и, следовательно, их положения являются для нее обязательными.

6.8 Комитет напоминает, что в целом именно власти государств — участников Конвенции должны оценивать факты и доказательства или применение национального законодательства в каждом конкретном случае, если только не может быть установлено, что оценка была предвзятой или основана на гендерных стереотипах, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин, была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии¹². Комитет отмечает, что в материалах дела нет свидетельств того, что при рассмотрении органами власти заявлений автора относительно риска, которому, по ее мнению, она подвергнется, если вернется в Монголию, имели место какие бы то ни было недостатки подобного рода. В этой связи Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что власти государства-участника нарушили ее право быть выслушанной, поскольку они не дали ей возможности ознакомиться с полным докладом отделения посольства Швейцарии в Улан-Баторе, который был сочтен конфиденциальным. Вместе с тем Комитет также отмечает, что основные элементы соответствующей информации были доведены до сведения автора, с тем чтобы она могла осуществить свое право на ответ и комментарии, и что, по мнению государства-участника, автор не представила убедительных доказательств

¹² См., например, *Р.П.Б. против Филиппин* (CEDAW/C/57/D/34/2011), п. 7.5; *Н.М. против Дании* (CEDAW/C/67/D/78/2014), п. 8.6; *Х.Д. против Дании* (CEDAW/C/67/D/78/2014), п. 7.7; и *М.К.М. против Дании* (CEDAW/C/71/D/81/2015), п. 10.10.

того, что содержание доклада неточно отражало реальное положение дел. Он также отмечает, что решение о сохранении конфиденциальности доклада было оставлено в силе Федеральным административным судом, который счел, что Государственный секретариат обеспечил соблюдение права автора быть выслушанной. Комитет отмечает, что никакие элементы данного дела не поддерживают вывода о том, что заявленные недостатки в ходе процедуры рассмотрения государством-участником ходатайства о предоставлении убежища составляют дискриминацию или провоцируют ее или сообщают произвольный характер решениям, принятым властями по делу автора. Кроме того, и при условии соблюдения процедурных гарантий, изложенных в международном праве, суверенные государства в принципе могут свободно определять характер, структуру и процедуры своих внутренних систем определения статуса беженца.

6.9 Соответственно, Комитет считает, что никакие элементы данного дела не свидетельствуют о том, что при рассмотрении властями государства-участника заявлений автора имели место нарушения, которые позволили бы сделать вывод о невыполнении властями своей обязанности должным образом оценить риски, которым подвергнутся автор и ее дети в случае возвращения в Монголию, или что решения властей были произвольными или равносильными отказу в правосудии вопреки положениям Конвенции.

7. Исходя из вышеизложенного, Комитет постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым по смыслу статьи 4 2) с) Факультативного протокола;
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.
